
ИВАН НАГАЙЦЕВ
ТРЁХСОТЫЙ
РОМАН

ИВАН НАГАЙЦЕВ
ТРЕХСОТЫЙ

https://litres.ru/74877792
SelfPub; 2026

Аннотация

Александр возвращается с войны, но оставить её позади оказывается труднее, чем выжить на передовой. За его спиной — потери, лица погибших товарищей и воспоминания, которые не дают спокойно спать. Рядом остаются те, кто тоже пытается заново научиться жить: друзья, близкие и люди, способные подарить надежду. Каждый из них несёт свою боль, скрывает страхи и ищет причину двигаться дальше. «Трёхсотый» — история о цене возвращения, настоящем братстве, любви и хрупкой границе между прошлым и будущим. О том, как среди тишины после боя найти силы жить, помнить и не потерять самого себя

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДОРОГА НА ВОЙНУ 5
Глава первая. Решение 5
Глава вторая. Перед дорогой 8
Глава третья. Новые лица 11
Глава четвёртая. Донецкое направление 14
Глава пятая. Тишина перед рассветом 17
Глава шестая. Письмо домой 20
Глава седьмая. Девушка с медицинской сумкой 23
Глава восьмая. Люди рядом 27
Глава девятая. Ночь, которую помнят 29
Глава десятая. Цена ожидания 32
Глава одиннадцатая. Перед переменой 35
Глава двенадцатая. Разговор без свидетелей 38
Глава тринадцатая. День, когда всё изменилось 41
Конец ознакомительного фрагмента. 57

ИВАН НАГАЙЦЕВ
ТРЕХСОТЫЙ

ТРЁХСОТЫЙ
ИВАН НАГАЙЦЕВ
Военный роман

ТРЁХСОТЫЙ
Роман
Автор: Иван Нагайцев

О добровольце, который отправился на Донецкое направление, прошёл через испытания войны, оказался на грани жизни и смерти и встретил человека, изменившего его судьбу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДОРОГА НА ВОЙНУ

Глава первая. Решение

В тот вечер дождь шёл почти не переставая.

Он барабанил по подоконнику, стекал тонкими ручейками по оконному стеклу и превращал улицы небольшого провинциального города в бесконечные серые полосы. В квартире было тихо. Только старые настенные часы отсчитывали секунды, словно напоминали о том, что время не умеет останавливаться даже тогда, когда человек стоит перед самым важным решением в своей жизни.

Александр сидел на кухне и смотрел на телефон.

Ему было двадцать семь лет. Обычный парень, каких тысячи. До недавнего времени его жизнь ничем особенно не отличалась от жизни других молодых мужчин. Работа, дом, редкие встречи с друзьями, разговоры о будущем, планы на отпуск, которые постоянно откладывались.

Но последние месяцы всё изменилось.

Новости стали частью повседневности. Сводки, сообщения, фотографии разрушенных домов, лица людей, которые потеряли близких. Иногда он выключал телевизор, но от это-

го происходящее не исчезало.

Особенно его мучила одна мысль: где-то там люди жили под обстрелами, кто-то вытаскивал раненых из разрушенных домов, кто-то ночами не спал, а он продолжал жить так, словно всё происходящее находилось за тысячи километров от него.

Хотя расстояние было совсем другим.

На столе лежал телефон. На экране светилось сообщение от старого приятеля:

— Сань, ты серьёзно думаешь об этом? Там не прогулка. Подумай ещё раз.

Александр перечитал сообщение и отложил телефон.

Он и сам знал, что это не прогулка.

За окном проехала машина. Свет фар скользнул по стене и исчез.

— Саш, ты опять не спишь? — послышался голос матери.

Она стояла в дверях кухни в домашнем халате. В руках держала кружку с чаем.

— Не спится.

— Ты уже который вечер такой.

Он промолчал.

Мать подошла, поставила кружку на стол и внимательно посмотрела на сына.

— Ты ведь что-то задумал?

Александр поднял глаза.

— Мам, я хочу добровольцем пойти.

Она не сразу поняла услышанное. Несколько секунд смотрела на него, будто ждала, что он сейчас улыбнётся и скажет, что пошутил.

Но он не улыбнулся.

— Куда пойти?

— На фронт.

Мать медленно опустилась на соседний стул.

— Саша...

В этом коротком слове было столько страха, что ему стало тяжело смотреть ей в глаза.

— Мам, я всё обдумал.

— Нет. Не всё. Ты не можешь всё обдумать. Ты не знаешь, что там происходит.

— Знаю, насколько могу.

— Ты мой сын.

— Я знаю.

— А если ты не вернёшься?

Он опустил голову.

Вот этот вопрос он задавал себе каждый день. И каждый раз не находил ответа.

Глава вторая. Перед дорогой

Ночью Александр так и не лёг. Он сидел у окна, слушал дождь и думал о матери. За стеной иногда скрипели половицы: она тоже не спала, хотя старалась не показывать этого.

Утром кухня пахла крепким чаем и поджаренным хлебом. Мать поставила перед ним тарелку, но сама к завтраку не притронулась.

— Я не стану тебя удерживать силой, — сказала она наконец. — Ты взрослый. Но обещай, что не будешь изображать из себя героя.

— Обещаю.

— И ещё. Не молчи, если будет страшно. Не стыдись просить помощи. Понял?

Александр кивнул. Ему хотелось сказать что-нибудь правильное, такое, от чего матери стало бы легче. Но подходящих слов не было.

Он оформлял документы несколько дней. Каждый шаг делал решение всё более настоящим. Пока это были бумаги, звонки и ожидание, можно было представить, что всё ещё обратимо. Но однажды ему сообщили дату отправления.

Вечером он собрал сумку. Положил сменную одежду, документы, старую фотографию родителей и небольшой складной нож, который подарил отец ещё до своей смерти. Потом долго сидел на краю кровати, разглядывая комнату.

На полке стояли книги, на стуле висела куртка, у стены лежала гитара, которую он давно не брал в руки. Всё было привычным и оттого особенно дорогим.

Мать вошла без стука.

— Возьми это, — сказала она и протянула маленький тканевый мешочек. Внутри лежал крестик на тонкой цепочке. — Он был у твоего деда.

— Мам, я не знаю, можно ли...

— Не надо ничего объяснять. Просто пусть будет с тобой.

Он надел цепочку и впервые за долгое время крепко обнял мать. Она прижалась к его плечу, и он почувствовал, как дрожат её руки.

На вокзал они приехали затемно. Люди вокруг спешили по своим делам, покупали кофе, искали нужную платформу. Мир не остановился из-за того, что один человек уезжал навстречу неизвестности.

— Позвони, как сможешь, — попросила мать.

— Обязательно.

Он не стал обещать, что скоро вернётся. Такие обещания показались ему нечестными.

Когда поезд тронулся, мать ещё долго шла вдоль вагона. Потом перрон поплыл назад, и её фигура растворилась среди фонарей.

Александр сел у окна. В стекле отражалось его лицо — усталое, напряжённое, будто он уже успел прожить несколько лишних лет.

Он достал телефон и написал матери: «Всё нормально. Не переживай». Посмотрел на эти слова и понял, что они ничего не объясняют. Но других пока не нашёл.

Глава третья. Новые лица

Дорога заняла почти сутки. В вагоне собрались мужчины разного возраста: кто-то говорил громко и шутил, кто-то молчал, уткнувшись в телефон, а кто-то с самого начала устроился у окна и почти не двигался.

Соседом Александра оказался широкоплечий мужчина лет сорока с короткой бородой. Он представился Михаилом, но почти сразу попросил называть его Михой.

— Первый раз? — спросил он, кивнув на сумку Александра.

— Первый.

— Тогда запомни одну вещь: не верь тем, кто говорит, будто ему совсем не страшно. Либо врёт, либо ещё не понял, куда приехал.

Александр усмехнулся.

— А ты давно там?

— Достаточно, чтобы перестать считать дни. И недостаточно, чтобы привыкнуть.

Михаил говорил спокойно, без бравады. На его руках виднелись старые шрамы, а под глазами залегли глубокие тени. Он не пытался казаться опытным наставником, но Александр почему-то сразу почувствовал к нему доверие.

Позже к ним подсел худощавый парень с веснушками. Его звали Денис. Ему едва исполнилось двадцать два, и он почти

непрерывно рассказывал о своей девушке, которая обещала ждать.

— Она сказала, что если вернусь, сразу поженимся, — сообщил Денис, показывая фотографию девушки на экране.

— Значит, возвращайся, — ответил Михаил. — И не заставляй её ждать зря.

Вечером разговоры стихли. Кто-то пытался уснуть, кто-то смотрел в темноту за окном. Александр достал фотографию родителей. На снимке отец улыбался, положив руку ему на плечо. Саша тогда был подростком и сердился, что отец заставил его надеть рубашку.

Он провёл пальцем по краю фотографии и спрятал её обратно.

На сборном пункте их встретили люди в форме. Дальше начались оформление, ожидание и знакомство с теми, с кем предстояло провести ближайшее время. Здесь никто не произносил длинных речей. Все понимали: красивые слова не заменят выдержки, внимательности и взаимной ответственности.

В первые дни Александр учился слушать. Он старался не перебивать, не изображать знатока и не стеснялся переспросить, если чего-то не понимал. Михаил иногда подсказывал ему простые вещи, а Денис, наоборот, пытался скрыть волнение за бесконечными шутками.

Однажды вечером они сидели у стены здания, укрывшись от ветра. Денис достал из кармана смятую конфету.

— Последняя, — объявил он. — Делить будем по справедливости.

— Это как? — спросил Александр.

— Мне половина, вам по четверти. Я же нашёл.

Михаил рассмеялся. Впервые за несколько дней Александр тоже засмеялся по-настоящему.

Смех быстро закончился, но после него стало легче дышать. Он понял, что именно такие мелочи и будут удерживать их от отчаяния: кружка горячего чая, короткая шутка, чужое плечо рядом и уверенность, что в трудную минуту ты не останешься один.

Перед сном Михаил сказал:

— Запомни их лица. Потом будешь вспоминать не форму и не номера. Людей.

Александр посмотрел на Дениса, который уже уснул, прижав телефон к груди, и кивнул.

Он ещё не знал, насколько важными станут для него эти двое.

Глава четвёртая. Донецкое направление

Когда они добрались до места, первым Александру запомнился воздух. Он был сухим, пыльным и каким-то неподвижным. Казалось, даже ветер здесь двигался осторожнее, чем в родном городе.

Дорога тянулась между посадками и невысокими строениями. На обочинах попадались следы недавних разрушений. Где-то темнели выбитые окна, где-то стояли пустые дома, возле которых давно не было слышно детских голосов.

— Не смотри только на разрушения, — негромко сказал Михаил. — Смотри, где люди продолжают жить. Тут таких много.

Александр увидел женщину, которая подметала крыльцо у дома с заклеенными окнами. Чуть дальше пожилой мужчина нёс два ведра воды. Обычные движения, обычные дела — и оттого особенно сильное впечатление.

Их разместили в здании, которое раньше, судя по остаткам вывески, было административным. Теперь внутри стояли раскладушки, сушилась одежда, на столах лежали документы и термосы. Пахло пылью, мокрыми куртками и крепким кофе.

Старший группы коротко объяснил порядок службы и напомнил, что никто не должен действовать самовольно.

Александр слушал внимательно. Он понимал, что здесь цена ошибки может быть слишком высокой.

Первые дни прошли в ожидании и знакомстве с новым распорядком. Ночью сон часто прерывали далёкие глухие звуки. Иногда стены едва заметно дрожали. В такие минуты никто не задавал лишних вопросов: люди просто проверяли, все ли рядом, и ждали, когда напряжение отпустит.

Денис старался держаться бодро, но однажды Александр заметил, как тот долго смотрел на экран телефона, не набирая сообщение.

— Напиши ей, — сказал он.

— Не хочу пугать.

— Она всё равно будет переживать. Лучше услышит твой голос.

Денис помолчал, затем вышел в коридор позвонить.

Михаил тем временем чинил ремешок на сумке.

— Он молодой, — сказал Александр.

— Мы все кому-то молодые, — ответил Михаил. — Для матерей вообще никто не взрослеет.

В тот вечер Александр впервые написал домой не короткое «всё нормально», а несколько настоящих предложений. Рассказал, что добрался, что рядом есть хорошие люди, что старается быть внимательным. О том, как ему страшно, он не написал. Но впервые хотя бы признался себе в этом.

Ответ матери пришёл почти сразу: «Я рада, что ты написал. Береги себя. Я каждый день ставлю чайник и думаю, что

ты скоро зайдёшь на кухню».

Он перечитал сообщение несколько раз. Потом убрал телефон и долго смотрел в потолок.

Война постепенно переставала быть для него картинкой из новостей. Она становилась местом, где у каждого человека было имя, прошлое и кто-то, кто ждал его возвращения.

Александр понял: теперь его главная задача — не стать героем чужих рассказов. Главное — сохранить человеческое в себе и не забыть тех, кто рядом.

Глава пятая. Тишина перед рассветом

Время на Донецком направлении текло странно. Иногда один день казался длиннее целой недели, а иногда несколько суток сливались в одно непрерывное ожидание. Александр перестал смотреть на календарь. Он отмечал время по другим приметам: когда привозили хлеб, когда менялась смена, когда в окне напротив загорался тусклый свет.

Утро начиналось с запаха растворимого кофе. Кто-то ставил чайник, кто-то искал чистую кружку, кто-то молча проверял телефон. За столом собирались люди, которые ещё недавно не знали друг друга, а теперь делили последние сигареты, новости из дома и короткие минуты покоя.

Денису позвонила девушка. Он вышел на улицу, но дверь за собой не закрыл, и до Александра долетали обрывки разговора.

— Да всё нормально, правда… Нет, не надо плакать… Я тоже скучаю.

Когда Денис вернулся, он улыбался, но глаза у него были красные.

— Свадьбу уже планирует, — сказал он, стараясь говорить шутливо. — Даже цвет салфеток выбрала.

— Вот видишь, — отозвался Михаил. — Значит, есть ради чего возвращаться.

Михаил редко рассказывал о себе. Александр знал только,

что у него есть взрослая дочь и бывшая жена, с которой он поддерживает хорошие отношения. Иногда Михаил смотрел на фотографию девочки в школьной форме, прикреплённую к внутренней стороне блокнота.

— Сколько ей? — спросил однажды Александр.

— Четырнадцать. Думает, что я ничего не понимаю в музыке, — усмехнулся Михаил. — И, наверное, права.

— Часто звонит?

— Когда может. Я не заставляю. У неё своя жизнь должна быть, а не только ожидание моего звонка.

В тот день Александр получил от матери фотографию старого двора. На снимке был их подъезд, лавочка под тополем и кусочек окна кухни. «У нас всё как раньше», — написала она. Он долго рассматривал изображение, словно мог через экран почувствовать запах мокрой листвы после дождя.

Позже он вышел во двор. Небо было низким, серым. Ветер гнал по земле сухую пыль. Где-то далеко глухо звучали разрывы, и разговоры на несколько секунд стихали.

— Привыкнуть к этому нельзя, — сказал Михаил, оказавшись рядом.

— А кажется, что уже начинаешь.

— К звуку можно привыкнуть. К тому, что люди гибнут, привыкать нельзя. Если привыкнешь — беда.

Александр запомнил эти слова.

К вечеру пришла новость о том, что соседнюю группу перевели на другое место. Среди них был парень, с кото-

рым Александр несколько раз разговаривал. Его звали Артём. Они не успели стать друзьями, но успели обменяться номерами и пошутить о том, что после возвращения обязательно встретятся в обычном кафе, где никто не будет говорить о службе.

— Он уехал? — спросил Александр.

— Да, — ответил Михаил. — Дальше у каждого своя дорога.

Ночью Александр долго не мог заснуть. Он думал о доме, о матери, о людях, чьи лица уже начинал узнавать с первого взгляда. И впервые понял, что слово «дом» теперь означает не только место, куда можно вернуться. Это ещё и люди, которых нельзя подвести.

Глава шестая. Письмо домой

На третий день после разговора с Михаилом Александр сел писать письмо. Не сообщение в телефоне, не короткую фразу между делом, а настоящее письмо — на нескольких листах, которые нашлись в ящике стола.

Он начал с простого: рассказал, что у него всё в порядке, что рядом хорошие ребята, что он научился различать голоса сослуживцев даже в темноте. Потом зачеркнул несколько предложений. Они звучали слишком бодро, почти неправдоподобно.

В конце концов он написал так, как чувствовал:

«Мам, я часто вспоминаю нашу кухню. Как ты ставила чайник, даже если я говорил, что не хочу чаю. Как ругалась, когда я оставлял ботинки посреди коридора. Раньше мне казалось, что это мелочи. Теперь я понимаю, что из таких мелочей и состоит жизнь.

Я не знаю, когда смогу приехать. Не хочу обещать дату, которую не могу назвать. Но я стараюсь беречь себя и не делать глупостей. Здесь есть люди, которым я доверяю. Мы поддерживаем друг друга.

Не думай, что я забыл о доме. Наоборот. Я вспоминаю его каждый день. И когда-нибудь обязательно снова сяду за наш стол. Только, пожалуйста, не жди меня у окна каждую минуту. Живи, занимайся своими делами, встречайся с подруга-

ми. Мне важно знать, что у тебя всё хорошо».

Он сложил листы и вложил их в конверт. Адрес написал медленно, выводя каждую букву. Потом долго держал конверт в руках.

Михаил увидел письмо и кивнул.

— Хорошее дело. Иногда бумага выдерживает то, что телефон не передаст.

— Ты тоже пишешь?

— Раньше писал. Сейчас чаще записываю для себя. Не хочу, чтобы дочка когда-нибудь узнала обо мне только по чужим рассказам.

Он достал из кармана небольшой блокнот, раскрыл на чистой странице и написал несколько слов.

— Что пишешь? — спросил Александр.

— Что сегодня был обычный день. Что утром пил чай. Что вспомнил, как дочь в детстве боялась грозы и пряталась у меня под одеялом. Пусть будет записано. Обычная жизнь тоже заслуживает памяти.

Денис тем временем пытался записать голосовое сообщение своей девушке. Он несколько раз начинал, сбивался и стирал запись.

— Скажи просто, что любишь, — посоветовал Александр.

— Так это слишком просто.

— А что сложного?

Денис задумался, потом нажал кнопку записи.

Вечером письмо Александра передали вместе с другими

отправлениями. Он смотрел вслед машине, пока та не скрылась за поворотом. Ему стало легче, будто он оставил дома маленькую часть себя.

Ответ пришёл через несколько дней. Мать написала, что письмо перечитывала дважды, а потом положила в ящик с документами, чтобы не потерять. Она прислала фотографию пирога, который испекла по старому рецепту.

«Когда вернёшься, испеку такой же. Только ты сам выберешь, с чем — с яблоками или с вишней».

Александр улыбнулся. Он ответил: «С вишней. Но можно и два».

Впервые за долгое время он поймал себя на мысли, что представляет будущее не как туманную надежду, а как конкретный день: кухня, пирог, мать, открытое окно и обычный разговор о пустяках.

Глава седьмая. Девушка с медицинской сумкой

Медицинский пункт находился в соседнем здании. Александр бывал там всего несколько раз: однажды из-за сильной простуды, другой раз — чтобы помочь перенести коробки с перевязочными материалами. Там всегда пахло антисептиком, чистой тканью и крепким чаем.

В тот день он встретил у входа молодую женщину в медицинской форме. Она стояла, придерживая плечом дверь, а в руках держала две коробки. Одна из них опасно накренилась.

— Осторожно, — сказал Александр и подхватил коробку снизу.

— Спасибо. А то сейчас всё это окажется на полу, — ответила она.

Она говорила спокойно, почти буднично. На бейдже было написано: «Анна Сергеевна». Волосы были убраны под головной убор, лицо выглядело усталым, но глаза оставались внимательными.

— Вы из медицинской группы? — спросил Александр.

— Да. А вы, кажется, тот самый Александр, который помогал нам с ящиками?

— Похоже, я уже знаменит.

— Не обольщайтесь. Просто у нас мало людей, которые

добровольно соглашаются таскать тяжёлые коробки.

Он улыбнулся.

Анна поставила коробки на стол и проверила содержимое. Александр заметил, что она работает быстро, но без суеты: каждый предмет оказывался на своём месте, каждая запись делалась аккуратно.

— Давно здесь? — спросил он.

— Достаточно, чтобы понять: усталость не спрашивает, удобно ли ей приходить. А вы?

— Недавно.

— Тогда берегите силы. И не пытайтесь скрывать, если что-то болит. Люди часто терпят до последнего, а потом приходится разбираться с последствиями.

— Вы всем так говорите?

— Только тем, кто выглядит так, будто собирается ответить: «Да нормально всё».

Александр невольно рассмеялся.

Анна оказалась не похожа на тех людей, которых он представлял, когда думал о военных медиках. В ней не было показной суровости. Она могла пошутить, могла строго остановить человека, который пренебрегал собственным состоянием, а через минуту уже внимательно слушала чужую историю.

— Вы давно работаете медиком? — спросил он.

— Училась в медицинском, потом работала в обычной больнице. Когда начались события, решила, что здесь нуж-

нее.

— Не страшно?

Анна на секунду замолчала.

— Страшно. Просто страх не должен решать за меня всё.

Эта фраза почему-то осталась у него в памяти.

Когда Александр уходил, она окликнула его:

— Александр!

Он обернулся.

— Если снова будете помогать с коробками, сначала спросите, что внутри. Некоторые вещи лучше не ронять.

— Учту, Анна Сергеевна.

— Можно просто Анна.

Он кивнул и вышел на улицу.

Михаил ждал его у стены.

— Что, уже познакомился с местными знаменитостями?

— С медиком познакомился.

— С Анной?

Александр удивлённо посмотрел на него.

— Откуда знаешь?

— Здесь новости быстрее ветра ходят. Хороший человек. Работает без лишних слов.

— Я заметил.

Михаил посмотрел на него внимательно, но ничего не сказал. Только хлопнул по плечу и направился к зданию.

Александр ещё раз оглянулся на медицинский пункт. За окном мелькнула фигура Анны. Он не мог знать, что од-

нажды именно эти руки не позволят ему уйти из жизни. Пока она была просто человеком, с которым он обменялся несколькими фразами в обычный, на первый взгляд, день.

Глава восьмая. Люди рядом

После знакомства с Анной Александр стал чаще заглядывать в медицинский пункт — не потому, что искал повод увидеть её, убеждал он себя, а потому, что там всегда находилось дело. То требовалось перенести коробки, то помочь разобрать привезённые вещи, то просто отнести термос тем, кто не успевал выйти на улицу.

Анна быстро поняла, что он ищет занятия, когда не знает, куда деть мысли.

— Вы опять пришли с пустыми руками? — спросила она однажды.

— Вообще-то с термосом.

— Термос я вижу. А что внутри?

— Чай.

— Уже лучше. Проходите, Александр. Только не мешайте мне вести записи.

В помещении было тепло. На столе лежали журналы, рядом стояли аккуратно сложенные упаковки и несколько кружек. Анна заполняла документы, иногда останавливаясь, чтобы уточнить что-то у коллеги.

— Вы всегда такая серьёзная? — спросил Александр, поставив термос.

— Нет. Иногда я ещё строже.

Он улыбнулся и сел у стены. Они говорили недолго: о по-

годе, о книгах, о том, как непривычно жить без ясного расписания. Анна рассказала, что до службы работала в городской больнице и любила вечерние прогулки вдоль реки.

— Я думал, медики здесь вообще не отдыхают, — сказал он.

— Мы тоже люди. Просто иногда приходится отдыхать урывками.

Она спросила о его доме. Александр рассказал о матери, о старом дворе и о гитаре, которую давно не брал в руки.

— Значит, когда вернётесь, сыграете что-нибудь? — спросила Анна.

— Если не разучился.

— Тогда придётся проверить.

Когда он вышел, на улице уже темнело. Впервые за долгое время Александр шёл не торопясь. Он думал о том, как странно устроена жизнь: даже в месте, где каждый день наполнен тревогой, люди продолжают знакомиться, шутить и строить планы.

Михаил заметил перемену сразу.

— У тебя лицо другое, — сказал он.

— Какое?

— Будто вспомнил, что кроме службы существует ещё и жизнь.

— Может, так и есть.

Михаил кивнул, не задавая новых вопросов. Он знал: не всякую надежду нужно обсуждать вслух.

Глава девятая. Ночь, которую помнят

Ночь началась с тревожного сообщения. Людей попросили оставаться на местах и быть готовыми к возможным изменениям обстановки. Никто не паниковал, но разговоры быстро стихли.

Александр сидел рядом с Денисом. Тот крутил в руках телефон и то и дело проверял, не появилось ли новых сообщений.

— Написала? — спросил Александр.

— Да. Спрашивает, ел ли я сегодня.

— И что ответил?

— Что ел. Не стал уточнять, что это был сухарь и чай.

— Вот и правильно. Пусть хоть сегодня не переживает из-за твоего меню.

Денис улыбнулся, но улыбка вышла короткой.

Михаил вошёл в комнату, остановился у двери и внимательно посмотрел на всех.

— Отдыхаем, пока есть возможность. Не надо придумывать себе беду заранее.

Он говорил спокойно, и от этого становилось немного легче.

Позднее снаружи раздались далёкие звуки. Стёкла едва заметно дрогнули. Кто-то машинально поднялся, но старший группы попросил всех сохранять спокойствие и следо-

вать установленному порядку.

В такие минуты время теряло привычный ход. Несколько секунд могли показаться длинными, а потом внезапно выяснялось, что прошёл целый час.

Александр вспомнил слова матери: «Не изображай героя». Он повторил их про себя и заставил себя дышать ровнее.

Когда напряжение немного спало, Денис тихо сказал:

— Сань, а ты когда-нибудь думал, что будешь вот так сидеть ночью и ждать?

— Нет.

— Я тоже. Я вообще думал, что самое страшное в жизни — это экзамены.

— Экзамены хотя бы заканчиваются расписанием.

Денис тихо рассмеялся.

Михаил, услышав их разговор, подошёл ближе.

— Запомните: мы не обязаны быть бесстрашными. Мы обязаны думать, слушать друг друга и не делать глупостей. Остальное не всегда зависит от нас.

Эти слова не звучали как речь командира. Скорее как совет старшего брата.

Под утро тревога отступила. Люди понемногу разошлись отдыхать. Александр вышел на несколько минут к окну. Небо было бледным, на горизонте проступала тонкая полоса света.

Он подумал, что рассвет всегда приходит одинаково —

даже если ночь была совсем не похожа на предыдущую.

В медицинском пункте горел свет. Анна, вероятно, снова работала. Александр не пошёл туда: понимал, что ей нужно хотя бы немного тишины.

Вместо этого он достал телефон и написал матери: «Утро наступило. Я на месте. Люблю тебя».

Ответ пришёл не сразу. Но когда экран наконец загорелся, он увидел всего три слова: «И я тебя».

Он убрал телефон и впервые за эту ночь почувствовал, что может спокойно закрыть глаза.

Глава десятая. Цена ожидания

Через несколько дней в их расположение вернулась группа, которую Александр видел раньше. Люди выглядели измотанными. Один из них шёл, опираясь на товарища, другой молча держал в руках чужую куртку.

Никто не задавал вопросов сразу. Здесь постепенно научились понимать, что некоторым людям сначала нужно просто сесть, выпить воды и прийти в себя.

Михаил узнал одного из вернувшихся и подошёл к нему.

— Где Артём?

Мужчина не ответил сразу. Он посмотрел на Михаила, потом опустил глаза.

— Не вернулся.

Всего два слова. Но после них вокруг словно стало тише.

Александр вспомнил разговор с Артёмом о кафе, где они собирались встретиться после возвращения. Вспомнил его улыбку и уверенность, с которой тот говорил о будущем.

Денис отошёл к стене. Он не плакал, но пальцы его так сильно сжались, что побелели костяшки.

Михаил долго стоял неподвижно. Потом снял головной убор и тихо произнёс:

— Хороший был парень.

Вечером никто не шутил. Даже Денис не пытался заполнить тишину разговорами. Александр сидел на ступеньке и

смотрел на землю.

Он знал, что не был близким другом Артёма. Они общались всего несколько раз. Но оказалось, что для боли не всегда требуется долгая дружба. Иногда достаточно увидеть человека, услышать его планы, а потом узнать, что этих планов больше не будет.

Анна встретила Александра у входа в медицинский пункт.

— Вы сегодня совсем не похожи на себя, — сказала она.

— Плохие новости.

Она не стала расспрашивать.

— Хотите чаю?

Он кивнул.

Внутри Анна налила ему горячий чай и поставила кружку на стол. Некоторое время они молчали.

— Я всё время думаю, что мог бы сказать ему что-нибудь ещё, — произнёс Александр. — Мы говорили о том, что встретимся потом. А теперь...

— Мы часто думаем, что должны были успеть сказать больше, — ответила Анна. — Но невозможно заранее знать, какой разговор окажется последним.

— Как вы с этим справляетесь?

Анна посмотрела на свои руки.

— Не всегда справляюсь. Иногда просто делаю то, что нужно сейчас. А потом позволяю себе вспомнить.

Он посмотрел на неё и понял, что за спокойствием Анны скрывается усталость, о которой она почти никому не рас-

сказывает.

— Спасибо за чай, — сказал он.

— Это пока всё, чем я могу помочь.

— Иногда этого достаточно.

Когда Александр вышел, Михаил ждал его неподалёку.

— Пойдём, — сказал он. — Надо поговорить.

Они прошли немного в сторону от остальных. Михаил достал из кармана блокнот, открыл страницу с именем Артёма и добавил дату.

— Я записываю имена, — объяснил он. — Не хочу, чтобы кто-то стал просто цифрой в чужом отчёте.

Александр посмотрел на страницу. Там было несколько имён, рядом — короткие заметки: «любит рыбалку», «дочь учится рисовать», «всегда делился сладким».

— Почему ты называешь это блокнотом памяти? — спросил Александр.

— Потому что человек остаётся, пока его помнят не только по тому, что с ним случилось, но и по тому, каким он был.

В ту ночь Александр долго не спал. Он думал об Артёме, о Денисе, о матери и об Анне. И впервые понял, что война отнимает не только жизни. Она отнимает у людей будущее, которое они уже успели представить.

Глава одиннадцатая. Перед переменой

После истории с Артёмом дни будто стали тише, хотя вокруг ничего не изменилось. Люди говорили вполголоса, чаще проверяли сообщения и реже шутили. Даже Денис, прежде умевший найти смешное в любой мелочи, теперь подолгу сидел у окна.

Александр старался не оставлять его одного. Иногда они просто пили чай, иногда говорили о пустяках — о музыке, о еде, о том, куда поедут после возвращения. Денис мечтал о море. Он никогда не был на настоящем большом море и собирался впервые поехать туда со своей девушкой.

— Представляешь, — говорил он, — просыпаешься утром, а там вода до самого горизонта. И никаких звонков, никаких срочных дел. Просто лежишь и слушаешь волны.

— А салфетки какого цвета на свадьбе? — спросил Александр.

Денис впервые за несколько дней рассмеялся.

— Белые. Она сказала, что это классика. Я предложил синие, чтобы как море. Она сказала, что я ничего не понимаю.

— Возможно, она права.

— Ты тоже за неё?

— Я за то, чтобы ты наконец доехал до своего моря.

Михаил слушал их разговор, не вмешиваясь. Позже он по-

звал Александра пройтись до края двора.

— Не пытайся всё время вытаскивать Дениса из его мыслей, — сказал он. — Иногда человеку нужно побыть с собой.

— Боюсь, он совсем замкнётся.

— Тогда просто будь рядом. Не обязательно говорить.

Михаил достал из кармана блокнот. На одной из страниц было записано имя Артёма, рядом — несколько слов о его привычках. Александр заметил, что список стал длиннее.

— Ты всё ещё записываешь? — спросил он.

— Каждый день. Иногда добавляю что-нибудь о тех, кто рядом. Чтобы не забыть, как мы жили между тревогами.

— А что ты сегодня запишешь?

Михаил подумал.

— Что Денис опять говорил о море. Что ты спорил с ним из-за салфеток. И что сегодня утром чай был особенно плохой.

Александр улыбнулся.

— Последнее обязательно запиши. Это важная историческая деталь.

Они оба рассмеялись, но ненадолго. Ветер принёс запах сырой земли. За невысокими крышами темнело небо.

Вечером Анна передала Александру небольшую книжку в мягкой обложке.

— Вы говорили, что давно ничего не читали. Здесь короткие рассказы. Можно открыть на любой странице.

— А если не понравится?

— Вернёте. Я не обижусь.

— А если понравится?

— Тогда расскажете, какой рассказ лучший.

Он взял книжку осторожно, будто это была не вещь, а обещание.

— Спасибо, Анна.

Она кивнула и вернулась к работе. Александр отошёл, но через несколько шагов услышал её голос:

— И не забывайте отдыхать. Это тоже часть заботы о себе.

В ту ночь он прочитал первый рассказ дважды. Потом положил книжку рядом с фотографией родителей. Ему казалось важным, что среди бесконечных новостей и тревожных ожиданий у него снова появилось что-то, чего можно ждать с удовольствием.

Глава двенадцатая. Разговор без свидетелей

На следующий день Анна задержалась после смены. В медицинском пункте почти никого не осталось, только дежурный врач просматривал бумаги в соседней комнате. Александр принёс обратно книжку и остановился у двери.

— Уже прочитали? — спросила Анна.

— Один рассказ. Потом второй. Кажется, вы специально выбрали такую книжку, чтобы я не смог остановиться.

— Значит, выбор оказался удачным.

Он протянул ей книгу, но Анна не взяла её сразу.

— Оставьте пока у себя. Вы же ещё не всё прочитали.

— Тогда придётся возвращать с отзывом.

— Именно.

Они вышли на крыльцо. Вечер был прохладным, но тихим. Вдали мерцали редкие огни. Несколько минут они молчали, слушая ветер.

— Вы когда-нибудь думали, кем бы занимались, если бы не выбрали медицину? — спросил Александр.

— Наверное, всё равно работала бы с людьми. Может быть, преподавала. В детстве я хотела быть учительницей.

— Строгой?

— Очень.

— Тогда ученикам повезло, что вы стали медиком.

Анна улыбнулась.

— А вы? Что бы делали, если бы сейчас были дома?

— Наверное, работал бы. Потом зашёл бы к матери. Может, встретился бы с друзьями. И обязательно достал бы гитару.

— Вы говорили, что давно не играли.

— Боюсь, пальцы забыли.

— Пальцы вспомнят. Главное, чтобы вы сами захотели.

Он посмотрел на неё. В её голосе не было жалости или утешения. Она говорила так, будто мирная жизнь действительно существовала и ждала их где-то впереди.

— Анна, а вы скучаете по дому?

— Каждый день. По маме, по сестре, по своей маленькой квартире. По тому, как утром сосед сверху включает радио слишком громко. Даже по этому иногда скучаю.

— Почему не уезжаете?

Она долго смотрела на дорогу.

— Потому что здесь тоже есть люди, которым нужна помощь. И потому что я сама решила быть здесь. Но это не значит, что мне не хочется домой.

Александр понял, что впервые слышит от неё не только уверенность, но и усталость.

— Вы тоже имеете право бояться, — сказал он.

— Имею. Просто не всегда есть время об этом думать.

Он хотел добавить что-то ещё, но слова показались лишними.

Когда они вернулись внутрь, Анна остановилась у двери.

— Александр, можно я попрошу вас об одной вещи?

— Конечно.

— Не обещайте мне, что с вами ничего не случится. Никто этого не может обещать. Просто будьте внимательны и берегите себя.

Он кивнул.

— Хорошо. А вы обещайте иногда отдыхать.

— Постараюсь.

Они улыбнулись друг другу. Это не было признанием, не было началом громкой истории. Просто между ними появилось доверие — тихое, осторожное, настоящее.

Позже, уже лёжа на своей койке, Александр открыл книжку и обнаружил на полях маленькую карандашную пометку: «Этот рассказ мне тоже нравится». Он узнал почерк Анны и невольно улыбнулся.

Он не стал никому рассказывать о записке. Некоторые вещи хотелось сохранить только для себя.

Глава тринадцатая. День, когда всё изменилось

Утро началось обычно. Слишком обычно для того, чтобы кто-нибудь запомнил его заранее. Кто-то искал свою кружку, кто-то жаловался на остывший чай, Денис пытался поймать связь, а Михаил проверял список людей.

Александр получил короткое сообщение от матери. Она прислала фотографию подоконника, на котором стояла маленькая рассада.

«Посадила цветы. Когда приедешь, уже зацветут», — написала она.

Он ответил: «Тогда обязательно покажешь». Потом убрал телефон и посмотрел на фотографию ещё раз.

Денис заметил его улыбку.

— Дома пишут?

— Мать цветы посадила.

— Вот видишь. Уже есть причина вернуться. Будешь поливать.

— А ты море не забудь.

— Не забуду. И тебя возьмём, если не будешь спорить про салфетки.

Они засмеялись. Михаил, проходя мимо, покачал головой:

— Сначала научитесь выбирать, что на завтрак, а потом

свадьбы планируйте.

Позже обстановка резко изменилась. Поступили сообщения о напряжённой ситуации неподалёку. Людей собрали, объяснили общий порядок действий и попросили сохранять связь. Никто не обсуждал лишнего. Каждый понимал, что впереди может быть тяжёлый день.

Время потянулось медленно. Александр думал о матери, о книжке Анны, о разговоре с Михаилом. Он старался сосредоточиться на том, что происходило вокруг, и не позволять воображению рисовать худшее.

Когда начался обстрел, первый звук показался далёким. Затем земля дрогнула, и над головой осыпалась мелкая пыль. Люди действовали в соответствии с полученными указаниями, помогая друг другу укрыться и не теряя связи.

Александр оказался рядом с Денисом. Тот побледнел, но держался.

— Сань, ты здесь? — крикнул он сквозь шум.

— Здесь! Не отходи!

Они помогли товарищу, который упал и не мог самостоятельно подняться, и вместе добрались до укрытия. Вокруг стоял гул, смешанный с обрывками команд и треском где-то за стеной.

Михаил появился рядом неожиданно, словно вырос из серой пыли.

— Все целы?

— Пока да, — ответил Александр.

— Тогда остаёмся вместе.

Следующий удар оказался ближе. Александр почувствовал резкую боль и потерял равновесие. На мгновение всё вокруг стало неразборчивым: лица, голоса, пыль, чужая рука на его плече.

Он попытался подняться, но ноги не слушались. В голове звенело. Он услышал, как Денис зовёт его по имени, а потом голос Михаила — короткий, напряжённый.

— Саша! Смотри на меня!

Александр хотел ответить, но смог только вдохнуть. Перед глазами всё плыло.

Последнее, что он отчётливо запомнил, — как кто-то накрыл его плечи и как сквозь общий шум пробился знакомый голос:

— Медик здесь! Дайте пройти!

Он узнал этот голос раньше, чем увидел лицо.

Анна.

Она опустилась рядом, быстро оценила его состояние и позвала коллег. В её движениях не было паники. Только сосредоточенность и решимость.

— Александр, слышите меня? Не закрывайте глаза. Смотрите на меня.

Он попытался улыбнуться.

— Книжку… не дочитал.

— Дочитаете, — ответила она. — Только сейчас слушайте меня.

Анна оставалась рядом, пока товарищи помогали перенести его в безопасное место. Александр чувствовал её руку и слышал голос, который возвращал его из мутной темноты.

Он хотел сказать ей, что рад её видеть. Хотел сказать, что помнит разговор на крыльце и обещание сыграть на гитаре. Но сознание снова начало ускользать.

— Держитесь, Александр, — услышал он. — Вы ещё должны вернуть мне эту книжку.

И эти простые слова почему-то показались ему важнее всего на свете.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ГОЛОС, КОТОРЫЙ ДЕРЖИТ

Сначала он услышал ритм. Короткий, настойчивый, повторяющийся где-то рядом. Потом сквозь него пробился шум, будто весь мир катился по камням. Саша попытался открыть глаза, но веки не подчинились.

— Александр, слышите меня? — голос Анны Сергеевны звучал близко. — Не пытайтесь вставать. Просто слушайте.

Он хотел ответить, спросить, где Михаил и Денис, но язык казался чужим и тяжёлым. Из горла вышел только слабый звук.

— Хорошо. Я рядом. Сейчас вас повезут. Нужно немного потерпеть.

Слова доходили не сразу. Они проходили сквозь толщу воды, теряя края и смысл. Но голос он узнавал. В нём была та самая спокойная твёрдость, с которой Анна говорила

о простых вещах: о книге, о доме, о необходимости иногда отдыхать.

Его осторожно перемещали. Боль вспыхнула ослепительно, вытеснив всё остальное. Саша судорожно втянул воздух.

— Знаю, — произнесла Анна. — Смотрите на меня, если можете.

Он приоткрыл глаза. Мир распался на пятна: серое небо, чьи-то плечи, светлый край перчатки. И лицо Анны — бледное от усталости, с выбившейся прядью волос. Она смотрела на него так внимательно, словно одним взглядом могла удержать его здесь.

— Книжка, — выдохнул он.

Анна на мгновение замерла, а потом её губы дрогнули.

— Книжка подождёт.

Он хотел улыбнуться, но не смог. Сознание снова поплыло, и её голос остался единственной нитью, связывавшей его с происходящим.

Дорога казалась бесконечной. Иногда Саша приходил в себя, слышал чужие голоса, чувствовал движение и снова проваливался в темноту. В одном из таких промежутков он различил Михаила.

— Сань, держись. Слышишь? Ты ещё домой должен добраться. Мать ждёт.

Саша хотел спросить про Дениса. Михаил, будто угадав вопрос, добавил:

— Денис жив. Цел. Не трать силы, парень.

Эти слова оказались важнее всего. Если Михаил рядом, если Денис жив, значит, мир ещё не окончательно рассыпался.

Анна сопровождала его до медицинского пункта. Она не могла обещать, что останется рядом дальше: вокруг было слишком много людей, которым требовалась помощь. Но пока могла, следила за его состоянием и возвращала его голосом, когда он начинал проваливаться в беспокойное забытьё.

— Александр, назовите своё имя.

— Александр…

— Хорошо. А друзья как вас называют?

— Сань…

— Вот и отлично. Оставайтесь с нами.

Он услышал, как Анна тихо сказала кому-то, что он ещё молодой и у него есть дом. Саша не понял, кому были адресованы эти слова — окружающим или ей самой. Но в них впервые прозвучало то, чего он прежде не замечал: страх.

Он хотел сказать, что постарается. Что помнит обещание быть внимательным. Сил хватило только на движение пальцев. Анна заметила и накрыла его руку ладонью.

— Я поняла. Не говорите ничего.

В помещении свет показался слишком ярким. Кто-то называл его фамилию, кто-то задавал вопросы. Анна передавала сведения коротко и точно. Её голос снова стал рабочим, собранным. Она не позволяла тревоге вмешиваться в каждую фразу.

Перед тем как его увезли дальше, Саша ещё раз открыл глаза. Анна стояла у стены.

— Вы ещё вернёте мне эту книжку, — сказала она.

Он не смог ответить. Только посмотрел на неё и едва заметно шевельнул губами. Анна поняла не слова, а намерение.

Потом двери закрылись, и её голос исчез.

В коридоре пахло лекарствами, мокрой одеждой и крепким чаем. Анна сняла перчатки, вымыла руки и несколько секунд смотрела на собственные ладони. Они дрожали. Совсем немного, почти незаметно, но она видела.

Она давно научилась не путать страх с беспомощностью. Страх можно признать, отложить на потом и продолжить делать то, что необходимо. Но сейчас, когда Сашу увезли за закрытые двери, привычный порядок дал трещину.

— Аня, там ещё поступили, — окликнул коллега.

— Иду.

Она поправила волосы и вернулась к работе. Не потому, что забыла о Саше. Наоборот — потому, что не могла позволить себе забыть, ради чего всё это делала.

Позже, в короткую паузу, Анна вышла к окну. За стеклом темнело. Она вспомнила, как Саша осторожно перелистывал страницы книги, словно боялся повредить их. Вспомнила разговор о гитаре и о матери, которая посадила цветы на подоконнике.

Такие подробности обычно не должны были задерживать-

ся в памяти медика. Но они задерживались.

Саша был не строкой. Не номером. Не очередной фамилией в списке. Он был человеком, которому обещали показать распустившиеся цветы. Человеком, которому нужно было вернуться домой и однажды снова взять в руки гитару.

— Держитесь, — сказала Анна едва слышно, обращаясь к темноте за окном.

И впервые за долгое время она позволила себе думать не о следующем часе, а только о том, чтобы этот человек пережил ночь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. ОЖИДАНИЕ

В больничном коридоре время перестало быть похожим на время. Оно тянулось между дверями, стульями и короткими объявлениями персонала. Михаил сидел, наклонившись вперёд, сцепив пальцы. Денис ходил от окна к стене и обратно, пока Михаил наконец не поднял голову.

— Сядь, — негромко сказал он.

— Не могу.

— Тогда перестань мерить коридор. Пол и так старый.

Денис остановился. Попытался улыбнуться, но лицо не послушалось.

— Он ведь выкарабкается?

Михаил не ответил сразу. Он не любил обещаний, которые нельзя выполнить. За последние месяцы он слишком часто видел, как уверенные слова разбиваются о реальность.

— Врачи делают всё, что могут. Сейчас это главное.

— А Анна Сергеевна?

— Работает. Её здесь нет.

Денис опустился на стул. На коленях у него лежала шапка, которую он всё время мял в руках.

— Я думал, самое страшное — когда начинается обстрел. А оказывается, страшнее ждать и ничего не делать.

— Это тоже часть войны, — ответил Михаил. — Только о ней редко говорят.

Он достал потёртый блокнот. На странице уже были записаны несколько имён. Михаил добавил: «Александр». Ниже: «Мать ждёт. Обещал вернуться к гитаре».

Денис посмотрел на записи.

— Ты и про меня пишешь?

— Пишу.

— Что именно?

— Что ты всё время говоришь о море и свадебных салфетках.

Денис неожиданно рассмеялся. Смех вышел коротким, неровным, но всё-таки был смехом.

— Она правда выбрала белые. Говорит, синие будут слишком яркими.

— Значит, будет белая свадьба.

— Если я до неё доберусь.

Михаил закрыл блокнот.

— Доберёшься. Она уже выбрала салфетки. Нельзя заставлять человека зря готовиться.

Из-за двери вышел врач. Оба поднялись так резко, что стулья скрипнули.

— Родственники Александра?

— Мы вместе служили, — ответил Михаил. — Близкие товарищи.

Врач посмотрел на них усталым, внимательным взглядом.

— Состояние тяжёлое. Он получил серьёзные повреждения. Операция проведена, сейчас он под наблюдением. Ближайшее время будет очень важным. Пока рано делать окончательные выводы.

Денис побледнел.

— Но он жив?

— Да. Сейчас жив. Мы продолжаем бороться за него.

Михаил кивнул. Он хотел задать ещё десяток вопросов, но понял, что ни один из них не изменит происходящего за закрытой дверью.

— Можно передать ему что-нибудь, когда он придёт в себя?

— Пока нет. Если состояние позволит, персонал сообщит.

Врач ушёл. Денис сел и закрыл лицо ладонями. Михаил остался стоять. Внутри поднималось знакомое чувство — тяжёлое, вязкое, похожее на вину. Он знал, что не мог изменить случившееся. Но знание редко помогало сердцу.

— Миха, если он очнётся, скажи ему, что я жив. И что море никуда не делось.

— Сам скажешь.

— Скажу, — быстро согласился Денис. — Конечно, сам.

В ту ночь Михаил почти не спал. Он думал о дочери. Ей было четырнадцать. Она присылала короткие сообщения, фотографии школьных рисунков, иногда просто точку, если не знала, что написать. Он отвечал, когда мог, и каждый раз обещал себе, что однажды будет рядом не через экран.

Он открыл последнее сообщение от неё: фотографию бумажного кораблика на подоконнике. Подпись: «Сделала для тебя. Он доплывёт». Михаил долго смотрел на снимок, потом написал: «Красивый корабль. Береги его до моего возвращения».

Утром Денис задремал на стуле. Михаил накрыл его своей курткой. В коридоре сменялись люди, медсёстры негромко переговаривались, кто-то катил тележку. Мир продолжал жить с обидной обыденностью.

Анна появилась ближе к полудню. Увидев Михаила, она замедлила шаг.

— Как он?

— Врач сказал, что операция прошла. Состояние тяжёлое.

Анна кивнула. Она и сама знала, что такие слова не дают ни уверенности, ни ответа. Но услышать их от другого человека было необходимо.

— Вы были с ним до эвакуации? — спросил Михаил.

— Да. Он несколько раз приходил в себя. Спрашивал о вас.

— О нас?

— О вас и Денисе. Я сказала, что вы живы.

Михаил опустил глаза.

— Спасибо.

Анна заметила Дениса, спящего на стуле.

— Ему тоже нужно отдохнуть.

— Не получается.

— Знаю.

Они помолчали. Михаил посмотрел на неё внимательнее.

— Вы ведь давно его знаете?

— Не очень. Мы познакомились здесь.

— Но он вас помнит.

Анна чуть нахмурилась.

— Он помнит многое. Это хорошо.

— Иногда именно это и держит, — согласился Михаил.

Анна присела на свободный стул и впервые за долгое время позволила себе закрыть глаза на несколько секунд.

— Он должен вернуться домой, — сказала она.

— Должен.

Это не было обещанием. Скорее общей просьбой, которую оба адресовали кому-то, кто, возможно, мог их услышать.

Когда Анна поднялась, Денис проснулся.

— Есть новости?

— Пока нет. Он под наблюдением. Нужно ждать.

— Я умею ждать, — сказал Денис и посмотрел на Михаила, будто просил подтвердить.

— Иногда даже слишком хорошо, — заметил тот.

Анна улыбнулась устало.

— Тогда ждите вместе. Одному всегда тяжелее.

Она ушла к своим обязанностям. Михаил проводил её взглядом, потом достал блокнот и написал: «Анна. Медик. Говорит спокойно, даже когда боится». Он задержал ручку над бумагой и добавил: «Не забыть поблагодарить».

Вечером пришло сообщение от матери Саши. Михаил нашёл её номер в телефоне товарища ещё до ранения. Он долго смотрел на экран, прежде чем написать: «Здравствуйте. Это Михаил, товарищ Александра. Он ранен и находится в госпитале. Врачи занимаются им. Сейчас он жив, но состояние тяжёлое. Мы рядом и сообщим, как только узнаем больше».

Он перечитал каждое слово. Хотелось написать что-нибудь обнадёживающее, но он не имел права подменять надежду выдумкой.

Ответ пришёл не сразу: «Спасибо, что написали. Скажите ему, пожалуйста, что цветы уже дали первые листья. Я жду его».

Михаил закрыл глаза. Потом открыл блокнот и записал эти слова почти дословно: «Цветы дали первые листья. Мать ждёт». Эту фразу он решил прочитать Саше, когда тот сможет слушать.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. ПЕРВЫЙ СВЕТ

Он возвращался не сразу. Сначала появился свет — мутный, белёсый, будто солнце пробивалось сквозь плотную

ткань. Потом пришёл звук: тихий писк, шаги за дверью, негромкий разговор. И только после этого Саша почувствовал собственное тело.

Оно было тяжёлым и чужим. Каждая попытка пошевелиться отзывалась усталостью. Он открыл глаза и тут же зажмурился.

— Не торопитесь, — произнёс незнакомый голос. — Вы в больнице. Операция позади. Сейчас главное — отдыхать.

Саша попытался спросить, сколько прошло времени. Получилось только движение губ.

— Потом поговорим. Сейчас не нужно тратить силы.

Он снова закрыл глаза. «Операция позади». Значит, он жив. Значит, всё ещё здесь.

Когда он очнулся в следующий раз, рядом сидела медсестра. Она заметила его взгляд и улыбнулась.

— Ну вот. Уже лучше. Как самочувствие?

Саша хотел ответить честно, но не знал, с чего начать. Болело почти всё, во рту пересохло, голова была тяжёлой.

— Долго… — прошептал он.

— Несколько дней вы были без сознания. Сейчас не будем считать часы. Вам нужно восстанавливаться.

Несколько дней. Саша попытался представить, что происходило за это время. Вспомнил серое небо, лицо Анны, голос Михаила. Потом память оборвалась, оставив пустое место.

— Товарищи…

— К вам приходили. Если врач разрешит, они скоро зай-

дут.

Врач объяснил, что впереди долгое восстановление. Говорил спокойно, без лишних обещаний. Саша слушал, стараясь удержать каждое слово, но мысли возвращались к тем, кто ждал за дверью.

— Я домой смогу?

— Сейчас рано загадывать. Наша задача — помочь вам восстановиться настолько, насколько позволит состояние. Сегодня ваша работа — отдыхать.

Саша хотел возразить, что у него слишком много дел, чтобы лежать без движения. Но вдруг понял, насколько устал. Даже спорить не было сил.

Позже пришёл Михаил. Он вошёл осторожно, словно боялся потревожить не только больного, но и сам воздух в палате. За ним показался Денис.

— Ну здравствуй, — сказал Михаил.

Саша попытался улыбнуться.

— Долго спал?

— Достаточно, чтобы мы успели соскучиться, — ответил Михаил.

Денис подошёл ближе. В глазах у него стояли слёзы, которые он прятал за улыбкой.

— Ты нас напугал, Сань. Так больше не делай.

— Постараюсь.

— Вот и договорились, — сказал Михаил. — Мы тут без тебя уже чуть не передрались из-за того, кто первым должен

был зайти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.